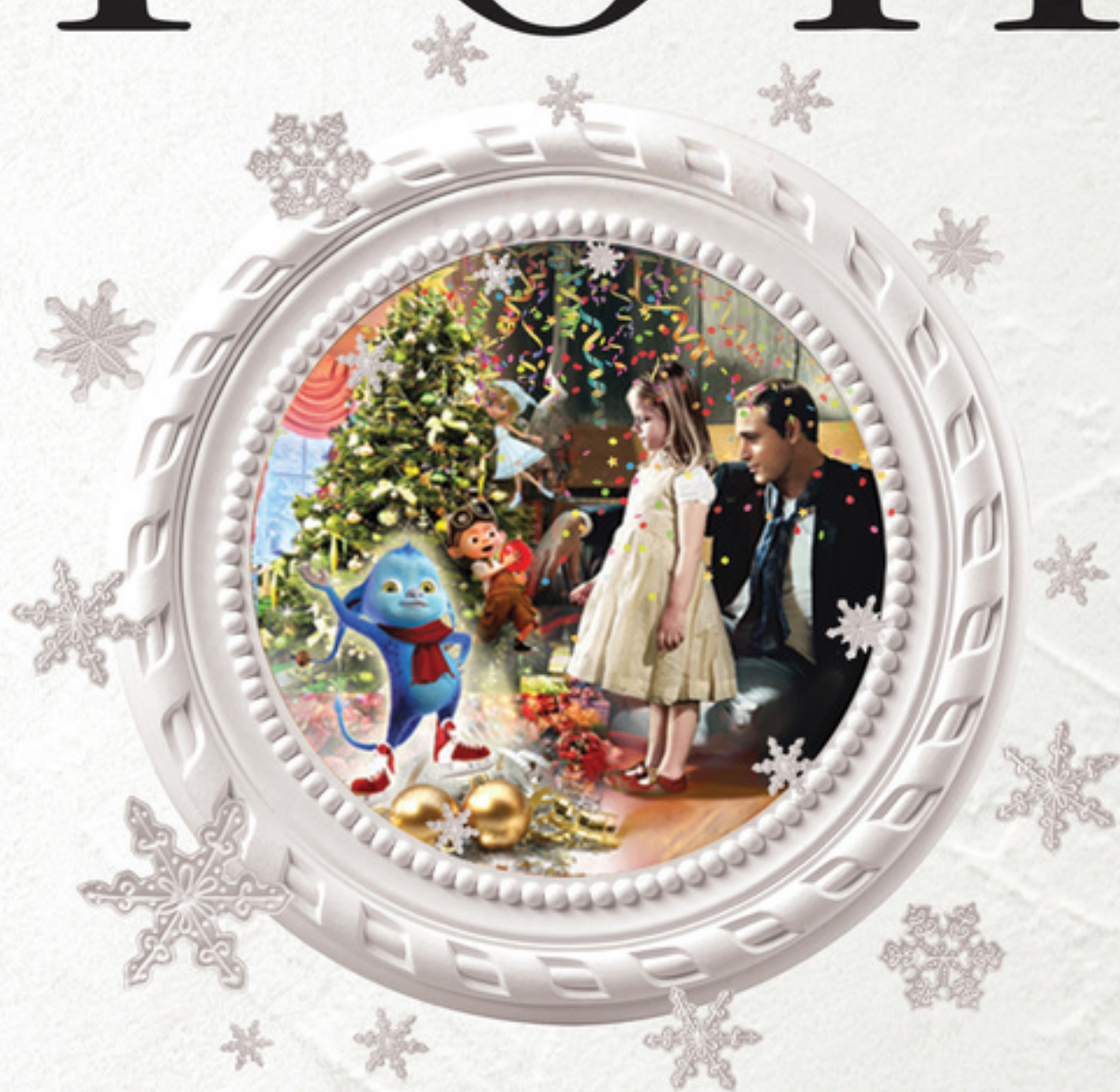

Капризы и странности судьбы

ОЛЕГ РОЙ

Привет, моя радость!

или Новогоднее чудо в семье писателя

Олег Рой

**Привет, моя радость! или
Новогоднее чудо в семье писателя**

«Олег Рой»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Привет, моя радость! или Новогоднее чудо в семье писателя /
О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2015

ISBN 978-5-699-85079-2

Знаменитый писатель Константин Пономарев вызывал закономерный интерес у большинства женщин. Но, к удивлению многих, он никогда не пользовался преимуществами своего статуса. Был всецело предан творчеству... и маленькой дочке Лизе. После развода он уже не верил, что любовь может существовать не только на страницах его произведений, но и в реальной жизни. Но однажды он убедился, что придуманный им персонаж ожил. Значит ли это, что мечты, претворенные в слова, могут сбыться? И вот под Новый год...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85079-2

© Рой О. Ю., 2015
© Олег Рой, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Рой
Привет, моя радость! или Новогоднее
чудо в семье писателя

© Резепкин О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

Глава 1

Дракон крепко спал и под тяжестью сомкнутых век не видел яркого солнца. Он не знал, что, застыв на мгновение в зените, огненный диск спешит дальше, чтобы вечером скрыться за гребнем его огромной зубчатой спины.

День за днем, год за годом, век за веком – казалось, так было всегда... Калейдоскопом разнообразных событий сменяли друг друга эпохи. Весна уступала место жаркому лету, затем приходила сумрачная осень с промозглыми дождями, и наконец, вместе с холодным северным ветром на трон с царственным величием неспешно поднималась зима.

Все тогда затихало в ожидании первого снежного чуда. Все замирало, и только холодное солнце неуклонно продолжало свой путь, стремясь с рассвета к заветным вершинам. А дракон по-прежнему крепко спал и не догадывался, что жители небольшого городка, расположенного неподалеку, считали его мускулистое тело просто длинной чередой гор, отвесной грядой обступивших долину...

Грядой... Гр-рядой... Гр-р-рядой... С каждой секундой слово разрасталось, растягивалось, ломалось и рокотало все громче и громче. Казалось, оно проступает из далекого прошлого или неясного будущего, пока еще подернутого туманной пеленой сомнения... Наконец, рокот окончательно распался на отдельные звуки и, мгновенно собравшись вновь, превратился в резкий, требовательный звонок телефона.

Константин очнулся и, вырываясь из вязкого сна, резко сел на постели.

– Я слушаю!.. – нарочито бодро воскликнул он, второпях не успев даже прочитать имя звонившего, а ведь оно уже несколько лет отображалось на экране его смартфона с угрожающим смайликом в конце...

– Так я и знала! Великий писатель Константин Пономарев еще изволит почивать! – раздался из динамика недовольный женский голос. – Отдыхает после великого творческого подвига! Конечно, написать очередную сказку это вам не бутерброд съесть! Творческий полет, как же... Тут надо настроиться, забыть про все и про всех! Даже про дочку и про жену, которая...

– Бывшую жену... – рискнул прервать собеседницу Константин и, торопливо окинув взглядом просторную комнату, за панорамными окнами которой уже начал угасать серый декабрьский день, со вздохом добавил: – Мы же, кажется, развелись...

– Отлично! Хотя это ты помнишь! – на мгновение запнувшись, продолжила она с некоторой досадой. – Так вот... Ты, конечно, забыл, что у твоей дочки начинаются новогодние каникулы, а у твоей бывшей, если это так важно, жены – отпуск, который она намерена провести, между прочим, в Египте в компании замечательного...

– Катя, пожалуйста, давай сразу к делу! – не выдержал Константин. – У меня мало времени! То есть его совсем нет. Ты же знаешь... Сроки! Я не могу опоздать и сорвать выход книги...

– Ну!.. Сроки, книги... Опять заладил свое!.. – неразборчиво, словно не разжимая губ, протянула женщина, но после характерного щелчка закрывающегося пенала помады поспешила продолжить в привычном темпе: – Короче, завтра к тебе на новогодние каникулы приезжает Лиза. Она уже собрала несколько чемоданов, уложила туда все игрушки, коньки, в том числе роликовые, лук со стрелами и, кажется, даже розовый самокат! Так что готовься. У тебя есть ровно сутки, чтобы покончить со своими сказками!..

– Сутки?.. – растерянно переспросил Константин, остановив взгляд на сером ноутбуке, который сейчас, в режиме ожидания, напоминал медицинский прибор, строго фиксирующий частоту его сердцебиения. Наверняка уже отметил нештучную тахикардию...

– Да, именно так! – даже не пытаюсь скрыть злорадного смеха, подтвердила Катя. – И не забудь приготовить к ее приезду подарки. Надеюсь, ты знаешь, о чем мечтает твоя единственная и, как ты всегда говоришь, любимая дочь?

Константин прекрасно знал; он уже давно разгадал эту тайну, но осуществление самого заветного желания маленькой девочки даже для такого преуспевающего писателя, как он, оказалось совершенно невыполнимой задачей. Куклы в пышных сверкающих платьях, плюшевые медведи, волшебные замки и говорящие феи всегда были для нее только лишь утешением, неполноценной заменой. Лиза мечтала о друге, о настоящем друге, который будет с ней рядом не только в праздники, полные игр и веселья, но и в сотканые из строгих правил и обстоятельств будние дни. И теперь, когда до Нового года оставалось всего десять дней, казалось, только чудо могло помочь ее отцу сделать этот праздник по-настоящему незабываемым и волшебным.

К сожалению, он умел творить чудеса только на страницах своих книг, где без этого было никак не обойтись. В обыденной жизни знаменитый сказочник мог только мечтать о чуде. Например, сейчас. Ведь только чудо могло помочь ему завершить работу и уложиться в отмеренный срок.

– Договорились. Я жду Лизу завтра, после обеда... – сухо закончил разговор Константин и, взглянув на часы, принялся поспешно собираться в долгое и полное опасных соблазнов путешествие по магазинам, которое ему вновь предстояло совершить в одиночестве.

Он собирался и размышлял о том, что ему надо внести в свою жизнь хоть какое-то подобие порядка. Режим, так сказать, железная дисциплина... А то спит когда попало, то же самое и с едой... А все эти проклятые сроки. Ну, не только они. Вдохновение, «творческий полет», как ядовито сказала Катя, не считается со временем суток. Что прикажете делать, когда пишется и невозможно прервать процесс, и неважно, день это или глубокая ночь? А потом тоже не легче. Да что там не легче – гораздо хуже. Что может быть мучительнее, когда воображение отказывает, слова не складываются во фразы и повествование совсем не движется, бессильно топчется на месте. Вот как сейчас, например. Просидел всю ночь и добрую часть утра, написал всего половину странички, а потом свалился и уснул. Вот тебе и «творческий полет». Нет, пора что-то предпринять, надо ввести в свою жизнь жесточайший распорядок, тогда и дело сдвинется с мертвой точки, и вдохновение придет.

Он вяло обдумывал все это, в глубине души понимая, что ничего у него не получится, как не получалось до сих пор. А уж когда «не пишется», а сроки поджимают – и подавно.

Значит, завтра придет Лиза. Замечательное событие, чистая беспримесная радость. Но как же оно осложнит его работу, страшно подумать...

Любимая дочка...

Брак молодого литератора и сотрудницы одного из крупнейших издательств продлился немногим дольше четырех лет. Впрочем, Катя никогда не воспринимала этот союз серьезно и, казалось, родила дочь, желая только удостовериться, что происходящее не вымысел или иллюстрация очередной фантазии мужа. Константин никогда не мог понять Катиного недоверия к жизни вообще и к людям в частности. Вроде родилась в деревне, в хорошей семье, выросла, получила образование, вышла замуж. Никаких тебе испытаний и того, что называют «жизненными трудностями». Откуда у нее такое предубеждение к миру и чувство, что ей чего-то не дали на пиру жизни? Во всем этом еще надо разбираться и помогать Кате постепенно избавляться от этих комплексов.

Как бы то ни было, маленькая Лиза появилась на свет в начале зимы.

Константин часто вспоминал, как был счастлив в тот день и, не в силах сдержать внезапного вдохновения, написал тогда свою первую сказку. И день-то был неровный – то солнечный, то серенький, холодный, с колючей поземкой, белыми змеями завивающейся вокруг корпуса родильного отделения. А ему он тогда казался светлым, солнечным, сияющим, его просто

переполняло счастье. И это счастье выплеснулось словами. Он написал прекрасную, добрую сказку, которая, как и множество других произведений, так и не была оценена по достоинству его главным на тот момент критиком... А ведь он знал, что это – настоящее. Не ремесленные плоские детективы, которые он кропал день за днем в свободное от работы все в том же издательстве время. Катя весьма скептически относилась к творческим способностям мужа и после рождения ребенка находила все больше и больше оснований для развития драматического сценария их семейной жизни с вполне предсказуемым финалом.

Лизе исполнилось три года, когда Константин и Катя расстались. И он с облегчением мог бы перевернуть эту печальную страницу, если бы не одно обстоятельство: Катя ушла и забрала с собой его дочь, его кровинку, его принцессу, которую он так горячо любил...

Стремясь заглушить невыносимую боль разлуки, он решил продолжать писать увлекательные сказочные истории и уже очень скоро обрел в лице девочки самую преданную поклонницу своего таланта. В их теперь не очень частые встречи она первым делом требовала сказку и слушала ее затаив дыхание. И непременно заказывала продолжение. Константин заранее готовился к встрече с дочкой и с удовольствием и увлечением сочинял для нее новую сказку. Самое удивительное, что после того, как Лиза выслушивала то, что он написал, и задавала ему тысячу вопросов о том или ином персонаже, Константин возвращался домой и дорабатывал свою очередную историю, а то и переписывал целиком. Лиза стала, по сути, его соавтором, и лучшего соавтора выдумать было просто невозможно.

– Ребенка не обманешь! – прочитав его сочинения, сказал однажды главный редактор издательства и, немного подумав, неожиданно добавил: – Уверен, твои книги будут иметь успех и уже очень скоро появятся в витринах крупнейших книжных магазинов! Ты нашел свою тему.

Профессионалы такого уровня, как правило, не ошибаются, и это многообещающее утверждение не стало исключением. Вслед за первой книгой о волшебных приключениях сказочных джингликов, главным из которых было очаровательное существо по имени Бедокур, вскоре последовали вторая и третья. Ярко иллюстрированные издания, полные увлекательных приключений сказочных героев, пользовались большой популярностью не только у детей, но и у их родителей. Поэтому уже через несколько лет из неизвестного автора довольно заурядных детективов Константин Пономарев превратился в знаменитого сочинителя сказок. Сказочные истории писались легко, воображение бесперебойно поставляло сюжеты один занятнее другого, только успевай записывать. И тогда он прекрасно успевал. Результаты не замедлили сказаться.

Теперь он мог позволить себе просторные апартаменты, престижный автомобиль и даже несколько десятков завистников, главным из которых, конечно, стала его бывшая жена. Не в силах побороть пагубное чувство, Катя отказывалась читать дочери ее любимые книги, на задней обложке которых красовалась эффектная фотография писателя. Константин в элегантном костюме стоял на фоне окна в своем кабинете и задумчиво смотрел куда-то вперед, в сказочные глубины очередной захватывающей истории, а пробивающаяся на висках седина только придавала образу особую изысканность...

– Подумаешь, как высоко залетел! – с плохо скрытой досадой часто повторяла Катя и следом добавляла, нарочито растягивая гласные: – А-андерсе-ен из пе-ент-ха-ауса...

И ей казалось, что этим она ставит своего бывшего мужа именно на то невысокое место, которое ему как бы уготовано по жизни и с которого он каким-то непонятным образом сбежал.

Константин вышел из дома, когда на город уже начали опускаться густые декабрьские сумерки. Что происходит со временем? «Зимнее», «летнее»... Постоянно переставляют часовые стрелки, и в итоге ничего хорошего из этого не выходит. Ведь если посмотреть на часы, то еще не так уж и поздно, а на улице – чуть ли не ночь, детей загоняют по домам. И без того короткий декабрьский день теперь съезжился до минимума.

Впрочем, не ему ворчать на время: он уже давно перепутал день с ночью и никак не собирается навести в этом хаосе хоть какой-то порядок.

Почти все улицы были скованы многокилометровыми заторами. Привычная и со стороны даже живописная картина. Вдоль крупных магистралей, насколько хватало глаз, сияли огни стоп-сигналов, словно улицу выстлали мерцающей рубиновой дорожкой. Навстречу им растянулась сплошная полоса желтых фар. Константин взглянул на все это и твердым шагом отправился за новогодними подарками пешком.

Повсюду царил предпраздничная суета. Большие стекла витрин переливались огнями разноцветных гирлянд. Во многих окнах уже виднелись зеленые макушки елок, увенчанные традиционной звездой или сверкающим коническим шпилем, и даже обычные движения прохожих, казалось, подчинялись магическому ритму приближающегося праздника. Этакий хаотичный хоровод, тем не менее ведомый собственным четким ритмом. Константин никак не мог попасть в этот ритм, уловить его. Наверное, поэтому, спустя всего несколько часов хождения по магазинам, он почувствовал, что прямо сейчас вслед за деньгами может потерять рассудок и окончательно утратить способность мыслить рационально. Требовалось немного прийти в себя, вырваться из этой утомительной круговерти.

Неожиданно в стороне от оживленной улицы, в глубине двора, измученный писатель увидел яркую вывеску с заманчиво светившимися на ней изображениями животных и птиц. Там было тихо, не мельтешили покупатели, не хлопали двери, не гремела зазывная музыка. Как раз то, что ему сейчас надо. Собрав последние силы, Константин направился к магазину, успокаивая себя только тем, что этот магазин, безусловно, будет последним в его жизни...

– Добрый вечер! – мелодично прозвучал женский голос вслед за колокольчиком, висевшим над входной дверью. – Проходите, пожалуйста...

– Добрый вечер... – устало повторил Константин и вдруг услышал, как слова приветствия отозвались из глубины зала каким-то хриплым, надтреснутым эхом: «Вечерр! Вечерр! Прррходи! Прррходи...»

«Попугай...» – с облегчением догадался писатель и, обреченно оглядевшись по сторонам, окончательно удостоверился в том, что оказался в зоомагазине.

Покупателей в это время действительно было мало; в царившей в магазине тишине почти все животные спали, даже птицы затихли, нахохлившись в своих клетках. Покой нарушали только морские свинки, хрустевшие любимыми капустными листьями. Медленно переходя от стеллажа к стеллажу, Константин внимательно рассматривал покупателей. Он вспоминал свое детство, когда ребенком почти каждый день после уроков бегал в зоопарк, расположенный неподалеку от дома, и мечтал, стоя у вольеров, увидеть всех животных в их родной дикой среде.

Наконец, свернув в последний проход, по обеим сторонам которого призрачно мерцали аквариумы, полные пестрых бесшумных рыб, Константин неожиданно увидел мальчика. Маленький посетитель магазина внимательно всматривался в темную глубину одного из филиалов подводного царства.

– Как ты думаешь, кто там живет? – спросил писатель, подойдя ближе, и очень удивился, услышав исчерпывающий ответ на латинском языке.

– *Trachinus draco!* – торжественно произнес мальш, не отводя взгляда от небольшой пещеры, спрятанной в самой глубине аквариума, за лесом сочно-зеленых водорослей и оранжевыми ветвями кораллов.

Константин растерянно наклонился, пытаясь разглядеть таинственное существо, скрывающееся в темноте под каменистым сводом, но никого не увидел.

Через несколько минут он вновь отважился на вопрос:

– А кто это, Трахинус драко?

– Морской дракон... – выдержав многозначительную паузу, ответил мальчик и, вздохнув, добавил: – Я что-то уже несколько дней его не вижу. Мне кажется, он сердится...

– Ты сюда приходишь после школы? – с любопытством спросил Константин.

– Нет... Я еще не хожу в школу, – не меняя величественного тона, тихо ответил его юный собеседник и через мгновение добавил: – Пока я только готовлюсь...

Константин рассмеялся, но, поймав на себе взгляд, полный осуждения, поспешно откашлялся и, присев на корточки, тихо сообщил:

– У меня дочка – твоя ровесница. И она тоже на следующий год осенью пойдет в школу.

– Да... – не отводя взгляда от аквариума, неторопливо протянул мальчик и, скрестив на груди руки, грустно продолжил: – Осенью все мы там будем...

– Послушай, – с трудом поборов приступ смеха, через некоторое время продолжил Константин. – Ты не мог бы мне посоветовать... Я хочу помочь Деду Морозу и купить для своей дочери необычный подарок. А вот какой, даже и не представляю...

Неожиданно сосредоточенное лицо мальчика просияло. В его глазах вспыхнуло счастье, и, словно не расслышав просьбы нового знакомого, он быстро прошептал:

– Дракон! Смотрите, смотрите!

В глубине пещеры действительно мелькнуло что-то яркое... Зажглось и погасло так быстро, что Константин ничего не успел разглядеть. Прошла минута, другая.

Огромный аквариум опять стал казаться необитаемым, как вдруг... Рубиновая искра появилась вновь! Она начала расти, становиться все больше и больше и, наконец, вспыхнула ослепительным пламенем! Дракон вырвался из пещеры, долгое время скрывающей его царственное величие. Широко раскинув полупрозрачные крылья, он победно пролетел над своими владениями. Золотой чешуей переливалось его мускулистое тело, огнем горели глаза, величественный взгляд которых лишь на мгновение задержался на знаменитом писателе...

Константин был поражен. Наблюдая за хозяином темной пещеры, он почувствовал нечто очень важное, внезапно проступившее из мира его сновидений.

Какое-то далекое воспоминание... Возможно, сюжет новой книги, ее начало, которое он, не успев записать в это утро, казалось, потерял навсегда. Забыл в волшебном мире грез, где счастливо жили герои его сказок и где так часто любил бывать и он сам... И теперь, ощутив вдохновение, вихрем летевшее по орбите короткого зимнего дня, писатель не мог упустить его снова...

Многие считали привычку носить в кармане обычный блокнот, в пружине которого жила тонкая шариковая ручка, старомодной. И наверное, это действительно было так, но Константин не спешил с ней расставаться. Вот и сейчас, найдя укромное место между стеллажами, он принялся писать, стремительно заполняя белоснежные листы своим угловатым почерком. Минута, другая... Впрочем, для писателя в такие моменты время скорее останавливалось, а окружающие предметы, теряя цвет, растворялись. Погрузившись в творческий процесс, он ничего вокруг не замечал, и только внезапное вторжение могущественных сил могло вернуть его обратно...

Литературный агент Константина Антон умел выбирать самый неподходящий момент и заставить собеседника врасплох. Этот телефонный звонок тоже не стал исключением.

– Пишешь?.. – словно резко передернув затвор, задал Антон свой традиционный вопрос, как обычно, даже не поздоровавшись.

– Да... – растерянно ответил Константин и, подняв голову, неожиданно увидел большого попугая, с любопытством встретившего его взгляд. – Пишу...

– Очень хорошо. Надо торопиться!.. – непоколебимо продолжил агент. – Сроки сдвигаются, ты должен успеть к середине января! Надо еще утвердить иллюстрации...

– Постой, постой! – запротестовал Константин. – Как к середине января?! Мы же говорили, что в феврале и потом...

– Никаких потом! – отрезал Антон и, хлопнув крышкой ноутбука, добавил: – Я отправил тебе верстку, проверь! А сроки есть сроки, нарушать их нельзя!

– Послушай! Ты меняешь условия на ходу. Ну, это уже слишком! Все-таки Новый год и...

– Что?! – с возмущением перебил Константина агент и, не меняя тона, продолжил: – Почему мне все время приходится вас подгонять? У одного творческий кризис, у другого – Новый год, Дед Мороз, чудеса! Можно подумать, ты несмышленный ребенок...

– Ладно, Антон... Не злись, я все понял!.. – поспешил вставить Константин и обреченно добавил: – Буду работать все эти дни и постараюсь успеть к сроку.

– Так-то лучше, – сурово заметил его собеседник и, закончив разговор, отключил мобильник.

Константин тяжело вздохнул. Он рассчитывал провести это время совсем по-другому. Ведь завтра к нему приезжает Лиза. Это само по себе – самый настоящий праздник. Они давно мечтали вместе сходить в кафе или даже в ресторан, посетить кучу музеев и, конечно, покататься на коньках в самом центре города. Да мало ли что они могли сделать еще...

А что теперь...

Теперь ему вновь придется оправдываться, напоминать девочке, что она дочь писателя, у которого жесткий график, сроки и неумолимый, требовательный агент. Да уж, можно понять Катю и ее насмешливый голос.

Взглянув на часы, Константин направился к выходу, с досадой бормоча:

– Вот, пожалуйста: уже восемь вечера, а я ничего сегодня еще не написал. Ничегошеньки...

– Почему? Вы же только что писали! Я видел! – неожиданно услышал он за спиной знакомый голос. Мальчик подошел ближе, протянул ему пластиковый пакет и добавил: – Вы просили помочь выбрать подарок для вашей дочери... Вот!

Константин с изумлением почувствовал, что в пакете что-то булькает и шевелится...

– Это настоящий живой рак! Он зеленый, и его зовут Ивася! – с восхищением поспешил объяснить малыш и добавил: – Уверен, вашей дочке Ивася понравится! Ведь его могли съесть, а теперь он будет жить у вас! Только не на кухне, ладно?

Константин медленно перевел удивленный взгляд на продавщицу, затем, не встретив у нее понимания, на попугая, но и в клетке, в знак солидарности, царило красноречивое молчание. Поэтому, вновь повернувшись к мальчику, он вынужден был ответить:

– Конечно... У меня в кабинете есть аквариум с золотыми рыбками, и этот рак... Ивася... будет жить там! Договорились?.. Кстати, а как тебя зовут?

– Миша, – радостно ответил его юный друг и поспешно добавил: – Мне надо собираться! Сейчас за мной придет мама, она работает здесь недалеко...

– Понятно! – одобрительно воскликнул Константин. – Тогда до свиданья! И спасибо тебе большое за помощь, это и вправду очень хороший и... неожиданный подарок!.. – искренне добавил он и, оплатив своего нового зодиакального квартиранта, вышел из магазина.

Вот теперь уже настал самый настоящий вечер, небо совсем черное, и улицы заметно опустели. Прохожие, так недавно мельтешившие на тротуарах, скрылись за тяжелыми дверями подъездов. Автомобили, преодолев все заторы, наконец добрались до парковочных мест. И только посетители кафе, где по-прежнему царил аромат исключительно крепкого кофе, продолжали оживленно беседовать, пытаясь поддержать угасающий ритм дня.

Покинув небольшой двор, Константин попытался определить, где же именно он находится, и был очень удивлен, увидев на противоположной стороне знакомый книжный магазин, который некоторое время назад в суете даже не заметил. Большие витрины, украшенные лите-

ратурными новинками, уже погасли, но даже в воцарившейся темноте автор без труда смог различить яркую обложку своего последнего произведения.

На днях здесь должна произойти его встреча с читателями, вот магазин и готовился к этому мероприятию. Наверное, это постаралась Жанна, сотрудница магазина, которая звонила ему и уточняла детали предстоящей встречи. У нее, кстати, очень приятный голос и подкупающая манера общения.

Константин подошел поближе. Да, точно, в центре витрины красуется его последняя книга. Знаменитый Бедокур был изображен на фоне собственного дома. В маленьких лапках он держал волшебный зонтик, украшенный серебряными колокольчиками, а на пушистой синей шерстке ярко блестели капли дождя. Взгляд у него был лукавый, а в глубине глаз мерцал озорной огонек. Бедокур, он и есть Бедокур – увалень, вечно попадающий в разные переделки и склонный ко всяким шалостям. Впрочем, весьма невинным. На горизонте за его спиной виднелись грозные тучи, акварельные силуэты которых уже заволокли вершины гор, отвесной грядой обступивших долину...

«Ну что, дружок, скоро встретимся с нашими читателями?..» – улыбнулся Константин и, поймав такси, поехал домой, торопясь как можно скорее вернуться к работе.

Глава 2

Вопреки календарю морозная зима в этом году не пришла в положенный срок. Под натиском теплого циклона снег, едва коснувшись земли, стремительно таял. Дождь успешно отражал короткие атаки метели, а заморозкам лишь несколько раз удалось сковать лужи тонким хрупким льдом. Осень упорно сопротивлялась, и когда в середине декабря на центральной площади нарядили новогоднюю елку, почти никто уже не верил в долгожданную победу Снежной королевы.

А напрасно...

Внезапно в город ворвался холодный северный ветер. Под покровом ночи он быстро очистил все небо от рыхлых тяжелых туч и в мерцающем свете звезд стал метаться по улицам, срывая с ветвей последние почерневшие листья. Вплоть до рассвета все подчинялось беспощадному напору стихии, но затем ветер неожиданно стих, и воздух застыл, словно прозрачная ледяная глыба. Но время шло, и с началом нового дня ослепительные снежные облака, таившие долгожданное чудо, наконец сомкнулись над озябшей столицей.

Константин, заснувший часа в три ночи, проснулся рано и, привычным движением отдернув плотную занавеску, замер, не в силах оторваться от раскинувшегося перед ним вида. За стеклами с раннего утра падал ослепительно белый снег. Большие пушистые хлопья медленно опускались на крыши домов, темный асфальт дорог и лица детей, с восхищением смотревших в небо. Свет шел снизу, от белоснежного покрова, мягко очертившего дома, деревья, все неподвижные поверхности.

– Чудеса, да и только!.. – воскликнул Константин, замечая, что все вокруг постепенно обретает мягкие волшебные очертания. – Как в Джингл-Сити... – через некоторое время добавил писатель, вспомнив маленький город, окруженный горами, в котором жили забавные герои его сказочных произведений. Вроде ничего особенного – всего лишь снег, а как чудесно преобразился мир за окном. Как хорошо...

И тут его мысли вновь скользнули в привычную колею.

Хорошо-то хорошо, но вот и опять никакого режима: лег поздно, встал рано. И снова к столу, к мерцающему экрану компьютера... Разве это дело?.. В последнее время ему все чаще приходилось придерживаться подобного графика, но привыкнуть к нему он так и не смог. Вздохнув, он отошел от окна и поспешил на кухню, где, переливаясь металлическим блеском, его уже ждала любимая кофеварка, готовая в любой момент возродить своего владельца к жизни.

Квартира (вернее, пентхаус) известного писателя отличалась современным минималистским стилем, или, как профессионально определял его приятель, знаменитый дизайнер Илья Москилов:

– Лаконичный хай-тек от вилки до люстры!..

После ремонта неутомимый Илья даже организовал фотосессию в стенах своего модного творения, интерьерные решения которого уже в скором времени вошли в десятку лучших в столице. Константин не был преданным поклонником всего суперсовременного, но в выбранном дизайнерском направлении находил много привлекательного и даже изысканного. Встроенные шкафы, переливающиеся черным глянцем, плоские тумбочки, полки, парящие над полом, вытянувшиеся на стенах в строгом порядке... В выверенной геометрии заключалась особая магия, способная превратить любое просторное помещение в уникальные апартаменты, где находили свое воплощение едва ли не все достижения технологического прогресса.

И кухня, где сейчас завтракал писатель, не была исключением.

Высокая барная стойка, плавно изгибаясь, превращалась в обеденный стол. Светлые мебельные фасады, обрамленные металлическим кантом, имитировали стену, но стену, мгновенно открывающуюся при легком касании. И даже окно было стилизовано под оригинальный диван с помощью больших подушек, разложенных на широком подоконнике.

Константин любил эту маленькую и очень уютную зону отдыха, откуда открывался прекрасный панорамный вид на город. И в это утро, захватив с собой ноутбук, он решил устроиться там и прочитать и поправить несколько страниц, которые ему удалось написать накануне...

– До обеда еще далеко, и к приезду Лизы можно попробовать закончить главу... – устроившись поудобнее, пробормотал он и уже через несколько минут погрузился в волшебный мир новой сказки, где его с нетерпением ждали любимые герои.

Там тоже пошел снег...

...Бедокур проснулся, когда в комнате было еще темно. Закутавшись в одеяло, он робко приблизился к окну, пытаясь понять, кто это так сильно раскачивает тяжелые деревянные ставни. «Ветер! Северный ветер...» – с радостью прошептал он, заметив, как мимо окна стремительно пролетает вереница чернеющих в рассветных сумерках листьев. Ветер действительно разгулялся не на шутку: хлопал ставнями, завывал в печной трубе, срывал с деревьев последнюю листву... Он освобождал дорогу зиме, предупреждал всех, что она уже совсем близко.

Теперь Бедокур не спешил возвращаться в постель; наоборот, приподнявшись на цыпочки, принялся внимательно всматриваться в небо, которое уже затянуло густой пеленой облаков. Он терпеливо вглядывался в облака и наконец дождался. Первая снежинка. Порхая, словно бабочка, она долго кружилась в воздухе и наконец упала на черепичную крышу его маленького дома, сложенного из дикого камня. Затем еще одна, и еще, и еще... И когда стало совсем светло, Бедокур увидел, что весь город наконец-то завален снегом, от которого струится невесомый прохладный свет, и весело рассмеялся.

Зима!

Не мешкая он бросился в кладовую, где уже давно ждали любимые санки. Ура! Настало время санок и коньков! Белоснежное время, когда на елке зажигаются разноцветные огни и, конечно, сбываются все-все мечты! Не забыв надеть маленькую полосатую шапку с пушистым помпоном, Бедокур выбежал на улицу и поспешил через весь город – туда, где жила его лучшая подруга, девочка Фрося... Он бежал и предвкушал, как весело им будет кататься по первому пушистому снегу. Он тянул за собой санки за веревочку, и на свежем снегу отпечатались его следы и следы от полозьев. Можно было подумать, что это одинокий путник шел по заметенной снегом заброшенной железной дороге...

Константин поставил многоточие и, взглянув на часы, отметил, что время приближается к полудню и пора бы уже перекусить.

Неожиданно откуда-то слева послышался залиvistый лай. Он приближался из глубины коридора и с каждой секундой становился все громче и громче!.. Мгновенье – и маленький проворный терьер прыгнул на клавиатуру компьютера, разогнав все волшебство, которым ноутбук только что был окутан.

– Мама! – рассерженно взревел Константин, едва не свалившись с подоконника. – Почему ты опять не предупредила? И еще взяла с собой этого несносного волкодава?!

Ангелина Ивановна, его мама, всегда умела произвести впечатление своим появлением. И сейчас, вооружившись ключами от апартаментов сына, она просто не сочла нужным позвонить. А собака... Что ж, маленький Чарли уже несколько лет был ее верным спутником, и, похоже, ничто не могло их разлучить.

– Костик, куда ты забрался?! Немедленно слезай с подоконника! – воскликнула она, войдя на кухню, и тут же добавила: – И поставь, пожалуйста, чайник! Мы с Чарликом замерзли...

– Мама... – тяжело вздохнув, начал он с негодованием. – Я работаю, у меня сроки...

– Нет, это невозможно! – немедленно возмутилась Ангелина Ивановна. – Все люди как люди, отдыхают накануне праздников! На концерты ходят, в кино или театр, а ты...

– Вот именно, мама! – попытался возразить Константин, энергично взмахнув руками, в одной из которых держал притихшего пса. – Ты сама сказала: накануне праздников! А накануне праздников, между прочим, есть и рабочие дни, а в рабочие дни принято...

– Отпусти Чарли и не придирайся к словам! – быстро отрезала Ангелина Ивановна и, бросив перчатки на стол, риторически добавила: – Ты сам знаешь, в какое время мы живем... Какие люди, какие нравы! Будни, выходные... Сейчас все зависит от настроения, от состояния души! И если душа просит...

– Конечно! – не смог смолчать Константин. – Если душа просит, то можно нагрнуть без предупреждения, да еще и с собакой... А то, что у меня сроки, так это...

– Так это ничего! – категорично закончила Ангелина Ивановна и, с грустью посмотрев на сына, добавила: – Вроде бы все у тебя хорошо, ты знаменитый писатель, но что у тебя за жизнь такая... Вот если бы у тебя была девушка...

– Мама, опять ты за свое!.. – с отчаянием простонал Константин и, схватив ноутбук, бросился в кабинет.

Знаменитый писатель действительно был одинок. Среди множества преданных поклонниц и страстных почитательниц своего таланта он не находил ту единственную, которая могла бы растопить лед, сковавший его сердце... Наверное, именно так написала бы Ангелина Ивановна в мемуарах, и, возможно, не так уж и преувеличила бы: Константин и вправду был весьма популярен и вызывал закономерный интерес у большинства женщин. Впрочем, он это знал, но, к удивлению многих, никогда не пользовался преимуществами статуса эдакого небожителя, баловня фортуны. Знаменитый автор, как его всерьез величала любящая мама, был всецело предан творчеству, и только творчеству. После развода он уже не верил, что любовь может существовать не только на страницах его произведений, но и в реальной жизни.

Работа заменяла ему все. И сейчас в ней произошел досадный сбой. А тут вдобавок такие сюрпризы! Нет, надо во что бы то ни стало писать, писать, писать...

В сопровождении неугомонной собаки, постоянно путающейся под ногами, Константин наконец добрался до кабинета. С облегчением вздохнув, открыл дверь и почти уже скрылся в спасительной тишине, как вдруг...

– Лиза!.. – замерев на пороге, воскликнул он. – Приехала? Неужели это она?

– Почему ты мне не сказал, что сегодня приезжает моя внучка?! – с негодованием спросила Ангелина Ивановна, выбегая из кухни. И, поспешно вырвав из рук сына компьютер, приказала: – Иди открывай! Скорей! Скорей!..

Константин бросился к двери. Чарли завилал хвостом и залаял. Замок сделал несколько оборотов, и тяжелая дверь медленно распахнулась.

– Папа! – оттолкнувшись от чемодана, девочка прыгнула в объятия Константина.

Терьер запрыгал вокруг них.

– Привет, моя птичка, мой соловей! – радостно воскликнул он, едва не упав.

– Ты видел, какой на улице снег?! – защебетала Лиза. – Я утром проснулась, а он уже идет! Пушистый такой... А потом приехала бабушка, и мы вышли из дома, а он опять идет! Белый-белый! А потом бабуля говорит: «Запрет тебя отец в своей башне! И будешь сидеть там... А вот если я буду рядом...» О, Чарлик тоже здесь! Чарлик, иди сюда...

– Как рядом? – Константин даже побледнел. – Марья Васильевна что, тоже...

– Приехала, конечно! А ты как думал? – неожиданно донесся из лифта громкий женский голос. – Иди скорее, помогай! Потом обниматься будешь...

Сумки, полные заготовок в стеклянных банках и баночках, пакеты с копченой рыбой, домашней колбасой и салом и даже увесистый мешок, доверху наполненный экологически чистой картошкой, с нетерпением ждали, когда знаменитый писатель торжественно принесет их на свою просторную, сверкающую никелем кухню.

– Что ты смотришь? Давай скорее, а то лифт – уедет – и все! Поминай, как звали... – недовольно прикрикнула Марья Васильевна и, схватив мешок, поволокла его в квартиру, на пороге которой ее уже ждали...

– К сезонной ярмарке готовитесь? – выразительно округлив глаза, спросила мама Константина. И, взяв собаку на руки, ядовито добавила: – Деревенские продукты нынче в цене...

– О! И ты здесь, штучка столичная! – выпрямившись, тут же нанесла встречный удар Марья Васильевна и, вновь покрепче взяв мешок с картошкой, воскликнула: – Посторонись! Сыну-то хоть не мешай, вишь, как надрывается! Костик, давай скорее! Поднатужься немного...

Константину и правда было нелегко. Оказавшись в лифте, он даже хотел уехать вниз, а затем убежать куда глаза глядят, в одних тапочках по свежему белому снегу. Бежать и бежать, а потом забиться в какое-нибудь убежище и наслаждаться тишиной и покоем. Забыть про все. Только мысль о дочери заставила его в последний момент остановиться и, взяв тяжелые гостинцы, обреченно вернуться в квартиру, в которой вот-вот должно было начаться сражение вселенского масштаба.

Его мама и его бывшая теща действительно были женщинами из разных миров. Марья Васильевна родилась в деревне и с детства привыкла к физическому труду, в котором находила подлинный смысл и стратегическую необходимость. Она прочно стояла на земле и не представляла, как можно жить без своего сада-огорода, без деревенского приволья и чистого воздуха. Мать Константина, наоборот, выросла в городе, где получила высшее педагогическое образование и возможность едва ли не каждый день приобщаться к культуре и светской жизни. Ее страстью была опера. Ангелина Ивановна не пропускала ни одной премьеры и бесконечно слушала любимые арии и увертюры. Она не понимала выбора сына и не скрывала радости, когда он расстался с Катей, несомненно унаследовавшей приземленные крестьянские гены. Марья Васильевна знала об этом и, будучи женщиной прямой, всегда умела ответить достойно и вполне доходчиво.

К удивлению Константина, их перепалки никогда не переходили определенных границ. Порой ему даже казалось, что они их забавляли. Так или иначе, когда судьба сводила женщин вместе, они ухитрялись уживаться и даже порой вполне мирно беседовать, хотя и спуску при этом друг другу не давали.

– Вот так-то лучше... – с удовольствием заметила Марья Васильевна, вытирая вспотевшее лицо и с удовлетворением отмечая, что стильная кухня знаменитого писателя превратилась в уменьшенную копию деревенской кладовой. – Теперь я спокойна! Перезимуем как-нибудь...

Освободившись от переноски припасов, Константин поспешил в комнату дочери, но увидев, что девочка с увлечением демонстрирует бабушке Геле содержимое своих чемоданов, решил зайти позднее. Пусть поговорят, ему есть чем заняться.

«Все пропало...» – обреченно подумал он, оказавшись в кабинете. Даже сквозь плотно закрытую дверь в комнату продолжали проникать новые жизнеутверждающие звуки. Пронзительный лай, грохот кухонной утвари, залиvistый смех – увертюра, разыгрывающаяся перед началом по-настоящему эпического произведения. Присев на узкий кожаный диван, в углу которого уже расположился плюшевый мишка, Константин попытался осознать все, что так резко изменило его жизнь за последние несколько часов. Нет, не так представлял он себе этот день. В мечтах писателя все было совсем по-другому. Долгожданная встреча с Лизой должна

была стать началом новогодней сказки, полной увлекательных приключений и веселых событий. Работе при этом отводилось ночное время, но и она, по законам жанра, должна была сделаться в положенный срок. Впрочем, Константин не спешил полагаться на волшебство: время, когда он ребенком засыпал с книгой сказок в руках, давно прошло. И теперь ему, как и многим, нельзя рассчитывать на внезапное чудо, осуществление любого его желания, а может, даже трех...

– Семь, папочка! Уже семь часов вечера... – Лиза подошла к дивану и, увидев, что отец лежит с закрытыми глазами, крепко прижав к груди плюшевого мишку, тихо спросила: – Ты спишь?

– Да... Кажется, я действительно задремал... – признался он и, с нежностью взглянув на дочь, тихо добавил: – Я так рад тебя видеть! Моя маленькая птичка...

– Твой соловей! – закончила девочка, крепко обнимая его.

Из глубины квартиры по-прежнему раздавались звуки, свидетельствовавшие о масштабной готовке.

Константин привстал с дивана и, наклонившись к дочери, шепотом спросил:

– Они все еще здесь?

– Да... – заговорщицки ответила Лиза. – Здесь!.. Бабушка Геля хотела уехать с Чарликом, но когда узнала, что баба Маря будет здесь до Нового года, тоже решила остаться. Она уже заняла твою спальню...

– Правда?! – горестно воскликнул Константин, по лицу которого пробежала судорога, которую он тщетно попытался выдать за улыбку.

Лиза торопливо закивала и, внимательно посмотрев на отца, добавила:

– Ты можешь жить в моей комнате! Днем мы будем играть, а ночью работать!

– Отлично придумано! – согласно кивнув, усмехнулся Константин и, взглянув на ноутбук, с грустью добавил: – Милая, у меня опять неожиданно сдвинулись сроки, и боюсь, я даже днем должен буду...

– ...работать, чтобы успеть и не сорвать выход книги... – закрыв глаза, договорила она фразу, которую выучила с раннего детства, а затем, вздохнув, добавила: – Значит, мы не ходим на каток, и в кафе, и в театр, и в музей, и даже в ресторан...

– Лиза! – с отчаяньем воскликнул Константин: – Прости меня, но я ничего не могу сделать! Издательство, вернее мой агент, ты же его видела, Хмуров, отказывается идти на уступки и только подгоняет меня и подгоняет! Думаешь, что я не хотел провести эти дни с тобой?! Да я только об этом и мечтал. А теперь опять проклятый компьютер, работа страница за страницей... Да к тому же я только начал новую сказку и даже не знаю, как буду продолжать ее, тем более в таких условиях! – Он повел подбородком в сторону коридора. – Нет, это решительно никуда не годится! Все пропало...

– Успокойся, папа! – заботливо воскликнула девочка и, посадив плюшевого мишку к нему на колени, серьезно сказала: – Я тебе помогу. Ты же сам говорил, что я лучшая твоя помощница. И мешать тебе не буду. Только расскажи мне, что сейчас делает наш Бедокур в новой сказке? Пожалуйста...

Лиза очень любила сказочные произведения отца и помнила их содержание в малейших подробностях. Поэтому она всегда с огромным нетерпением ждала продолжения популярной серии книг, героев которой уже давно привыкла считать своими лучшими друзьями.

– Ты спрашиваешь о Бедокуре? – таинственно улыбаясь, переспросил Константин и, немного помедлив, продолжил: – Знаешь, в Джингл-Сити наступила настоящая зима, и весь город оказался завален снегом. Совсем как у нас, представляешь?..

Девочка взвизгнула от восхищения и, забравшись на спинку дивана, приготовилась внимательно слушать, твердо пообещав себе, что не будет перебивать папу...

– Схватив свои санки, он бросился к Фросе, но подруги, как нарочно, дома не оказалось... Бедокур очень расстроился. Потоптавшись у Фросино домика, он побрел через весь город обратно домой. Только оказавшись на главной улице городка, он вспомнил, что сегодня выпал первый снег, а значит, пришло время выбирать того, кто будет зажигать Волшебную Звезду на огромной елке, которую уже поставили в центре площади.

– Волшебную Звезду! Волшебную Звезду! – защебетала Лиза с восхищением. – Я знаю! Бедокур говорил Фросе, с каким нетерпением всегда ждет этого момента! Ведь от волшебного света Звезды загорятся все гирлянды в городе и на его елке тоже! И время продолжает идти дальше. Вот только Бедокур, – огорченно добавила она, – еще ни разу не зажигал Звезду.

– Правильно! – рассмеялся Константин. – И все жители Джингл-Сити знают, что Новый год не наступит без ее яркого света. Поэтому всегда собираются и, вытягивая жребий, торжественно решают, кто будет украшать макушку зеленой красавицы.

– А Бедокур? Бедокур тоже будет тянуть этот жабрий?

– Жребий! – смеясь, поправил Константин дочку. – Знаешь, жители долго спорили, допустить ли его до этого, уж больно много за ним числилось озорных проделок и всяких нелепых и смешных происшествий. Вот, оказывается, ты помнишь, что он еще ни разу не смог участвовать в этой увлекательной и торжественной процедуре. Жители, как я уже сказал, долго спорили, но потом решили, что перед таким замечательным праздником все равны. И Бедокуру все-таки разрешили тянуть жребий. Правда, он чуть не опоздал на торжество, заигрался с зайцами в пятнашки. Но потом, в последний момент, все-таки прискакал на площадь на самом большом зайце и при этом еще ухитрился столкнуть двух девочек в огромный пушистый сугроб. Их потом с трудом вытащили. За это его чуть не лишили права тянуть жребий, но несчастный так горестно взвыл, что над ним сжалились, тем более что девочки совсем не рассердились на Бедокура.

В общем, когда он опустил свою замерзшую лапку в специальный бархатный мешочек, то понял, что на его дне осталась всего одна, последняя, монетка... Он смущенно засмеялся, чувствуя, что все жители города при этом внимательно смотрят на него. Он крепко сжал монету и от волнения даже зажмурился. Бедокур боялся посмотреть на монету. Но потом все-таки открыл глаза, раскрыл ладонь и увидел изображение Волшебной Звезды. Оно так и сияло на серебряном кружке монеты. Он ахнул и неожиданно затих, растерянно опустив мохнатые ушки. Все вокруг запрыгали и стали громко хлопать в ладоши. Все радовались за Бедокура. Ты же знаешь, что ему никогда не доверяли ничего важного и ответственного, потому что с ним часто приключались разнообразные случайности. Но сейчас, казалось, сама судьба распорядилась иначе! И теперь именно ему предстояло осуществить главное действие, от которого зависело будущее каждого жителя Джингл-Сити!

– Действо? – спросила Лиза, удивленно подняв брови.

– Ну да! – ответил Константин. – Действо – это когда кто-то делает какое-то важное дело – например, разрезает ленточку перед входом в новое здание или зажигает олимпийский огонь...

– Здорово! Здорово! Здорово! Как хорошо, что Бедокур будет делать это действие... – Не в силах сдержать волнения, Лиза несколько раз высоко подпрыгнула на диване, а потом, бросившись к отцу на колени и крепко обняв его, быстро спросила: – А что будет потом? Когда он зажжет Волшебную Звезду?

– А потом у нас будет ужин! – со смехом ответил он. – А затем у меня будет бессонная ночь, которую мне вновь придется провести в твоём любимом Джингл-Сити!

И Константин не ошибся. Вскоре вся семья собралась за столом, уставленным разнообразными блюдами, которые Марья Васильевна решила приготовить в честь их долгожданной встречи. В квартире наконец воцарилась непривычная тишина, и даже Чарли не находил в себе сил разрушить ее звонким лаем. Тишина казалась живой, и хотелось назвать ее по имени. Кон-

стантин вздохнул: вот кто бы мог ему по-настоящему помочь: его неизменная верная спутница – Тишина. Но, увы...

Он посмотрел на притихшего Чарли. Заняв место рядом с любимой хозяйкой, пес внимательно наблюдал за всеми. Словно старинная фотокамера, глаза собаки видели все в черно-белом, истинном свете... И темноволосую девочку, сидевшую рядом с отцом, и высокую подтянутую женщину, с тщательно уложенной прической, и другую – невысокую, полную, с округлым открытым лицом, и даже себя, отражавшегося в блестящем кофейнике. А может, Чарли видел в его горячем боку и отражение Тишины, которая только что бесшумно прошла по коридору, быстро заглянув на кухню.

День подходил к концу. Свет в окнах известного писателя постепенно стал гаснуть, и когда тяжелые стрелки напольных часов в гостиной перевалили за полночь, казалось, все уже спали.

Только в одном окне почти до самого утра горела небольшая настольная лампа, тень от которой причудливым силуэтом летящего дракона растянулась на потолке.

Глава 3

Лиза родилась морозным декабрьским вечером. Накануне весь день ярко светило солнце, было непривычно тепло, и Константин, провожая жену в роддом, даже не подумал надеть шапку. Но вскоре погода как-то незаметно изменилась. Солнце посветило, посветило, да и исчезло. Потом Константин часто вспоминал, как, волнуясь, не чувствовал подступившего холода, и только узнав о рождении дочери, заметил извилистые вихри поземки, бегущие вдоль улиц. А потом ветер стих, и с неба белоснежными хлопьями неожиданно начал падать снег. Медленно, словно боясь нарушить торжественную тишину, снег ложился ему на плечи и долго не таял, оставаясь искрящимися эполетами на его темном пальто. Шесть лет прошло, но Константин продолжал считать этот день самым счастливым в жизни. Он никогда не мечтал о ребенке, и только впервые увидев маленькую дочку, понял, что произошло настоящее чудо, которого начинающий писатель неосознанно ждал уже долгие годы...

– Теперь все будет по-другому! – воскликнул он, с восхищением взглянув на жену.

Но Катя не спешила с ним соглашаться. В ее глазах отражалось сомнение, очень скоро превратившееся в непоколебимую уверенность: их семейное счастье невозможно. Она была недовольна всем: маленькой квартирой, хроническим отсутствием денег и даже склонившимся над письменным столом мужем, по вечерам отбрасывавшим на пожелтевшие обои угрожающую и, как ей казалось, пугающую ребенка тень.

«Соловья баснями не кормят...» – назидательно любила повторять она, облокотившись о детскую кроватку. И Константин не мог с ней не согласиться, ведь дочь всегда напоминала ему эту маленькую звонкоголосую птичку...

Сейчас, глядя на Марию Васильевну – деловитую, грубоватую, но неизменно заботливую и открытую, он думал: откуда у Кати взялось это стойкое недоверие к жизни, скептическое отношение к людям и конкретно к нему – Константину Пономареву? Казалось бы, она должна была унаследовать материнский оптимизм, основанный на уверенности в своих силах, на трезвом и практическом взгляде на жизнь. Но не получилось, что-то пошло не так, и в результате Катя совсем иная, не такая, как ее мать. А может быть, в этом и он виноват, не сумел наладить совместную жизнь так, чтобы их сердца бились в лад. Ну и если уж объяснять все, глядя с высоты птичьего полета, то можно предположить, что не сошлись на их семейном небосводе звезды, разные оказались кармы и еще что-нибудь этакое, мистически-окультурное.

Ему очень хотелось, чтобы Лиза унаследовала все самое лучшее от папы и мамы и вообще от всех родных и близких. Чтобы в ее судьбе сошлись все звезды, засияли все краски, кроме беспросветно-черной. Сейчас, когда после приезда дочери прошло всего несколько дней, он уже не мог обходиться без ее веселого щебетанья, целыми днями раздававшегося за дверью кабинета.

– Мама! А где Лиза? – удивленно воскликнул он, не увидев дочь, которая по обыкновению с шумной радостью встречала его утром на кухне (если, разумеется, ему удавалось проснуться к завтраку после напряженной ночной работы).

– Твоя дочь отправилась за елкой! – невозмутимо ответила Ангелина Ивановна и, сделав глоток ароматного кофе, добавила: – Новый год скоро, ты, наверно, забыл... Что, впрочем, немудрено, с твоим-то распорядком...

– Как Новый год?.. – растерянно повторил Константин, потирая небритую щеку, и с раздражением исправился: – Я хотел сказать, как отправилась за елкой?! Одна?..

– Ну почему же одна! – усмехнувшись, ответила его мать с некоторой ревностью в голосе. – У твоей дочери есть верный оруженосец, любимая бабушка Маря...

Ангелина Ивановна едва успела договорить фразу, как в коридоре послышался грохот захлопывающейся двери, и звучный женский голос возвестил:

– Мы дома! – И немедленно продолжил: – Костик! Бросай свою печатную машинку и иди помогать! Мы елку купили... О, вот она, наша красавица!.. Надо ее установить.

– Вот-вот... – обиженно добавила Ангелина Ивановна и встала.

Константин вышел в коридор и сразу увидел огромное, обмотанное веревкой колючее дерево. Оно лежало на полу среди упавшего с ее смолистых ветвей снега и напоминало крепко спящего темно-зеленого тюленя.

– Вот это да! – воскликнул Константиин с восхищением. – И как вы только ее дотащили? Ведь огромная же...

– Дотащить-то дотащили, а вот как ты ставить ее будешь? – расхохоталась Марья Васильевна, глядя на то, как знаменитый писатель на глазах бледнеет. – Подставки-то небось у тебя нет?! Придется пальму твою из кадки выдергивать!..

– Какой кошмар! – заметила Ангелина Ивановна и, похлопав сына по плечу, добавила: – Увы, мой мальчик, всему приходит конец! Смирись... Попрощайся со своей пальмой, ведь некоторым ближе елки да осинки...

При этих словах Лиза, сраженная неудержимым приступом смеха, упала на елку. Константин поглядел на нее и растерянно пробормотал:

– А я хотел главу дописать, там у меня тоже еще ничего не готово к Новому году...

Пальму действительно пришлось вытащить из ее просторного керамического дома и временно поместить в большую кастрюлю. Решено было отодвинуть в гостиной диван, свернуть светлый палас в тугой мохнатый рулон, а несколько кресел даже выдворить в другие комнаты. И когда утомительный процесс подготовки закончился, Константин с удивлением заметил, что главная комната его квартиры, совершенно потеряв оригинальный дизайн, вернулась к первоначальному замыслу проектировщика.

– Отлично! Теперь есть куда ставить нашу красавицу! – довольно воскликнула Марья Васильевна.

– Да уж скорее сажать! – вставила Ангелина Ивановна. И плавно обведя опустевшую гостиную рукой, добавила: – На таком аэродроме истребитель можно посадить, а вы все «елка, елка»!

И все-таки после долгих усилий и бесконечных споров лесная гостья заняла в просторной гостиной центральное место. Просыпаясь от долгого сна, она медленно расправляла тяжелые ветви, и уже очень скоро воздух вокруг наполнился неповторимым ароматом грядущего праздника.

Некоторое время все молча любовались величественной красотой новогоднего дерева, а затем, словно опомнившись, решили сразу же ее украсить. После долгих поисков отыскалась коробка с гирляндой и набор стеклянных шаров, но игрушек, по общему мнению, оказалось недостаточно. Поэтому решили использовать блестящие сувениры, поделки и прочие подходящие вещи. И вновь дом знаменитого писателя наполнился звуком торопливых шагов, пронзительным лаем и звонким смехом, солирующим на фоне добродушного рокота голосов. Словно в театре распахнулся тяжелый занавес и начался второй акт, в котором хозяин квартиры почему-то решил не участвовать... Тишина снова поспешно отступила, забила в самую дальнюю комнату, вернее в полутемную кладовую, где хранились всякие ненужные вещи вроде лыж, велосипеда и всяческих инструментов и куда редко кто заглядывал.

Воспользовавшись всеобщей суетой, Константин предпринял отчаянную попытку к бегству. Елка стоит, все заняты, теперь можно и поработать. Растворившись в полумраке просторного коридора, он заторопился в кабинет, где с раннего утра его терпеливо ждал на столе ноутбук. Постепенно увеличивая скорость, знаменитый писатель с каждым шагом становился все ближе к цели, как вдруг... Глянцевый пол, эффектно отражающий свет галогеновых ламп,

не предусматривал, что на нем окажется талый снег и множество мокрых следов, поэтому под влиянием подобных нетипичных явлений превратился в настоящий каток. Константин вскрикнул и, высоко взлетев, немедленно свалился, особенно остро почувствовав силу земного притяжения.

Вот уж воистину: поспешишь – людей насмешишь!

Он даже не заметил, как телефон выскользнул из кармана брюк и, пролетев через весь холл, уткнулся в тапочки Марьи Васильевны.

– Костик! Слышишь, тебе звонят... А ты чего тут разлегся-то?.. – изумленно воскликнула женщина и, обтерев смартфон краем фартука, поспешно вернула его хозяину, который, к ее удивлению, ничком распростерся на полу.

– Пишешь? – послышался из динамика привычный, но всегда актуальный вопрос литературного агента.

Некоторое время Константин не мог ничего ответить. Словно рыба, выброшенная на лед, он глотал воздух, пытаясь сформулировать подходящую для данной ситуации фразу.

– Ко мне дочка приехала, мама с собачкой и бывшая теща... – наконец крупными, но неумелыми мазками попытался он нарисовать идиллическую картину нынешней жизни.

– Тещи бывшими не бывают! – склонившись над писателем, возмущенно поправила его Марья Васильевна и, обреченно вздохнув, принялась поднимать незадачливого зятя.

– Костя! К работе это совершенно не относится!.. – раздались первые выстрелы пулеметной очереди, которую Антон Хмуров всегда был готов выпустить в адрес нерадивого автора. – Ты должен помнить о сроках, о деле, о продукте, который ты создаешь! Если сейчас опоздаешь, отвлекаясь на всякую чепуху, то пеняй на себя, – интенсивность пулеметной стрельбы неуклонно нарастала. – Всю жизнь потом будешь жалеть! Свято место пусто не бывает! Знаешь, сколько таких сказочников в очереди ко мне стоят?! Тут только зазевайся! И, кстати, о сроках... Надо поднажать как следует и закончить к Рождеству! И не забудь, у тебя сегодня презентация в книжном магазине. Тебе еще Жанна позвонит, напомнит! Понял?.. Расслабляться нам никак нельзя!

Пулемет лязгнул и умолк, только тонкая струйка дыма, тая, вилась над горячим дулом.

– Соберись! – вторила агенту Марья Васильевна, дергая знаменитого писателя за руку.

Наконец Константин кое-как поднялся. Хмуро поблагодарив Марию Васильевну за помощь, он с трудом дохромал до кабинета и лег на узкий кожаный диван, в углу которого по-прежнему невозмутимо сидел плюшевый мишка.

«До Нового года осталась всего неделя... – сосчитал он и затем, прибавив еще шесть цифр, сделал неутешительный вывод: – Тринадцать дней – и новая сказка должна быть готова...»

Константин написал уже не один десяток книг, но по-прежнему считал, что творческий процесс – это уравнение с множеством неизвестных. Результат был всегда непредсказуем, ведь слагаемые успеха – вдохновение, определенное настроение, состояние души – невозможно вычислить с помощью стандартных формул. Иногда в тягостном томлении проходили дни, недели... Курсор пульсировал на белой странице в ожидании чуда, когда из букв соберется слово, из предложений – абзац, затем – глава, а из глав – целая книга. Долгожданная книга...

– Папа! С тобой все в порядке?.. – с тревогой спросила Лиза, входя в кабинет. – Бабушка говорит, что ты упал и теперь тебя надо замазать йодной сеткой! Всего...

– Только этого еще не хватало!.. – глухо застонал Константин. – Мало того, что из работы все время выдергивают, так еще и сеткой какой-то замазать хотят! А еще эта презентация... И Антон напоминал, и какая-то Жанна звонила.

В глазах Лизы вспыхнуло жгучее любопытство, и, поспешно присев на край дивана, девочка спросила:

– Можно я поеду с тобой, папочка?! Обещаю, я не буду мешаться и, как говорит Бедокур, лезть не в свои дела! Пожалуйста...

Константин внимательно посмотрел на дочку. Как она подросла! Сейчас перед ним сидела хрупкая девочка с темными волосами, заплетенными в косу. Непослушные кудри обрамляли мягкий овал лица, в котором легко угадывались красивые черты будущей женщины. Она робко улыбалась, и от волнения на ее щеках проступил нежный румянец. Все говорили, что она похожа и на него, и на Катю. Он искал в ней свои или Катины черты и не находил: Лиза была похожа только на себя, и ни на кого больше.

– Конечно, мой соловей! Ты полетишь со мной!.. – наконец кивнул Константин.

– Ура! Я знала! Я так и знала! – Вскочив с дивана, Лиза весело закурилась по комнате, но вдруг неожиданно остановилась и, вновь приблизившись к отцу, тихо спросила: – А по дороге ты расскажешь мне про Бедокура? Я очень волнуюсь, как он там. Знаешь, я даже несколько раз подходила к твоему компьютеру и пыталась прочитать, что ты написал, но там такие маленькие буковки... И я...

– Ах, Лиза! Я совсем забыл, что ты уже умеешь читать! – с радостью воскликнул Константин и, встав с дивана, продолжил: – Хочешь, я распечатаю тебе несколько последних страниц большими буквами, и, прочитав их, ты сама все узнаешь?!

– Хочу! Хочу! – радостно засмеялась девочка. – Сяду в машину и, как большая, буду читать! А еще я надену корону и возьму волшебную палочку! Поедем, а потом...

– Тебе надо одеться потеплее! – проходя мимо – кабинета, строго заметила Марья Васильевна. – Хорошо хоть, что я успела кофту довязать из овечьей шерсти...

Девочка с ужасом посмотрела на отца. Лизе нравился волшебный образ феи, но обязательные аксессуары, присущие этому существу, она практически предпочитала сочетать с любимыми джинсами и однотонным лонгсливом, а теперь...

– Об этом и речи быть не может! – из глубины гостиной неожиданно послышался голос Ангелины Ивановны, и на мгновение девочке показалось, что она спасена. – В теплой кофте она сначала вспотеет, а потом обязательно простудится. Моя внучка должна надеть настоящее вечернее платье! Из красного бархата, то самое, которое я купила в комиссионном, когда она была еще младенцем...

– Папа! – жалобно простонала Лиза. – Я никуда не поеду! Или спущусь из окна по занавеске, когда они заснут...

– Боюсь, тогда уже будет поздно! – рассмеялся Константин и решительно добавил: – Беги в комнату и одевайся так, как ты хочешь! Я их сейчас отвлеку...

В революционной перекройке гостиной уцелел большой плазменный телевизор и после перестановки остался висеть на стене. Знаменитый писатель предпочитал – Интернет и различные мобильные приложения, – поэтому включал его довольно редко и до этого момента предпочитал не помнить, что является счастливым абонентом множества разнообразных телеканалов. Но сейчас...

Отыскав вечно теряющийся пульт, он принялся методично искать тот единственный «мыльный» канал, по которому круглосуточно транслировали зарубежные сериалы. Быстро щелкая кнопками, Константин старался не отвлекаться даже на выпуски новостей, и наконец...

Когда Ангелина Ивановна услышала знакомую мелодию, предвещающую начало очередной серии популярной кинематографической саги, в ее груди что-то вздрогнуло. Забыв обо всем, женщина поспешила в просторную комнату, но занять центральное место перед телевизором ей не удалось. Прижав пушистую кофту к груди, на широком диване уже закаменела Марья Васильевна. В это мгновение на экране мелькнуло витиеватое название, и следом перед преданными поклонниками высокохудожественных мыльных произведений вновь предстали любимые герои, готовые к нечеловеческим страданиям и ожесточенной борьбе за любовь. Они мелькали на экране, закатывали глаза, вздыхали, плакали и смеялись, объясняясь друг

с другом то в любви, то в ненависти, отражались в многочисленных шарах стоявшей неподалеку от телевизора елки – словом, жили своей непостижимой, но столь заманчивой и любопытной для простых смертных жизнью. Немедленно потеряв интерес ко всему приземленному, к миру, лишённому страстей и высоких чувств, женщины благополучно забыли о своих благих намерениях и не заметили, как их маленькая модель проскользнула по коридору, оставив наряды из бархата и овечьей шерсти без запланированного дефиле.

Константин вручил дочке несколько листков бумаги, покрытых крупными буквами, и они на цыпочках, стараясь не потревожить умиротворения, воцарившегося в гостиной, тихо вышли из квартиры. Едва за ними закрылась дверь, как Тишина высунулась из кладовой и с интересом огляделась.

На улице уже стемнело, и в ярком свете множества огней разноцветными искрами переливался свежий снег. Морозный воздух, подхватив теплое дыхание, превращал его в густой клубящийся пар, сквозь который были едва различимы лица прохожих. Настоящая предновогодняя погода.

Презентация очередной книги известного автора должна была состояться в книжном магазине, расположенном на противоположной стороне той самой улицы, где Константин совсем недавно приобрел настоящего большого зеленого рака. Поэтому он предложил дочери отправиться туда пешком, но, узнав, что подобный способ передвижения совершенно не сочетается с образом феи и с чтением сказки, решил взять такси.

Он позвонил, и машина тут же подъехала. Они сели и резво покатали по тихой улочке. Но прошло всего несколько минут, машина выехала на оживленный проспект, резко снизила скорость и вскоре почти остановилась, застряв в привычной для вечернего времени пробке. Хорошо, что до начала мероприятия оставалось еще много времени, и можно было не бояться опоздать.

Константин старался часто видеться с дочерью, не пропускать ни одного важного дня в ее жизни, но побыть наедине им удавалось крайне редко. И сейчас он, безусловно, был рад обстоятельствам, благодаря которым это стало возможно. Лиза тоже решила немного повременить с чтением и, обняв отца, принялась смотреть в окно, на оживленные предпраздничной суетой улицы. Она спрашивала, где они едут, и что это за дом, и кому это памятник...

Константин терпеливо отвечал на все ее вопросы. Он чувствовал себя так, словно презентация уже началась.

– А мама приедет встречать с нами Новый год? – помолчав, неожиданно спросила девочка через некоторое время. – Правда, она мне не обещала, но...

Константин вздохнул и, стараясь не смотреть в печальные глаза дочери, ответил:

– Нет, соловей! У нее сейчас отпуск, ей надо отдохнуть, и мы договорились... – Он замаялся, но потом нарочито весело продолжил: – Я решил, что со встречей Нового года мы справимся самостоятельно, а когда она вернется, ты ей все подробно расскажешь! Расскажешь и про елку, и про Чарли, про все-все-все. Хорошо?

– Да, папа... – словно не слыша, рассеянно ответила Лиза и, уткнувшись в его пальто, тихо добавила: – Когда мама меня заберет, я попробую ей все рассказать...

Константин понимал, что чувствует сейчас дочь, но утешить ее был не в состоянии. Он и сам в свое время прошел через такие испытания. Правда, он не был свидетелем разрыва родителей. Зато со всей детской тоской пережил отсутствие отца в своей жизни. Неизвестно, что хуже. Лиза хотя бы видит его, с ним общается. Он есть в ее жизни, и она это знает. А он так мечтал увидеть отца, хотя бы раз. Посмотреть на него, может быть, поговорить. И если признаться честно, то и сейчас часто думает об этом. Думает и на что-то надеется.

Лизе было тогда только три года, но она все равно отказывалась верить в вымышленные обстоятельства, разлучившие родителей. Девочка часто спрашивала, почему они ушли и оставили папу совсем одного, и, не получив искреннего ответа, горько плакала... С тех пор прошло

много времени, но, как и прежде, Лиза каждый вечер всматривалась в сверкающую огнями панораму города, пытаясь среди тысяч освещенных окон найти то единственное, за которым работал ее отец. Впрочем, и у него в гостях девочка не изменяла этой привычке, только теперь внимательный взгляд больших голубых глаз блуждал в поисках света от изящной настольной лампы в комнате мамы.

Автомобиль преодолел половину пути, когда Лиза встрепенулась и, поспешно достав драгоценные страницы, принялась читать, бережно наклоняя их к свету.

Глава 4

Городок спал, растворившись в густой темноте декабрьской ночи, и только в окне маленького дома, стоявшего на окраине, до самого утра горел свет. Накануне торжественной церемонии Бедокур не мог уснуть. Он беспокойно ходил по комнате, представляя, как вечером наденет на вершину огромной ели Волшебную Звезду. К этому времени все жители Джингл-Сити соберутся на центральной площади и зажгут яркие праздничные фонарики. Вместо будничных вязаных шапочек они наденут красные колпачки, украшенные маленькими серебряными колокольчиками. И только у Фроси колпачок будет розовый, под цвет ее шерстки, всегда аккуратно причесанной и на кончиках ушей заплетенной в косички. Свой красный колпачок Бедокур приготовил заранее и уже тысячу раз проверял, на месте ли он, по-прежнему ли висит на вешалке возле двери. Вот и сейчас он подошел к вешалке и потрогал колпачок. Тот отозвался легким веселым звоном. Бедокур вздохнул: нет, все-таки у Фроси колпачок красивее. Она все ухитряется делать красивым.

Девочка очень удивилась, когда несколько дней назад Бедокур вытащил счастливую монетку. Она привыкла, что ее забавному и несколько, чего уж там, неуклюжему приятелю постоянно не везет, и до этого момента не воспринимала его всерьез. Но теперь все изменилось. Фрося стала гордиться их дружбой и даже испекла для друга большой яблочный пирог. Она принесла пирог в дом Бедокура и сказала, что это ее подарок. Пирог замечательно пах, и, конечно, он был очень красивый.

Они с Фросей попили чаю и съели почти половину пирога. Остальную половину Фрося оставила Бедокуру на завтрак.

Едва дождавшись рассвета, Бедокур вышел на улицу и побрел к площади. Там было тихо и пустынно. Только несколько дворников деловито шуршали лопатами и скребками, убирая снег. В центре площади стояла большая, красиво убранная елка. Бедокур посмотрел на нее, представил, как она будет выглядеть со Звездой, и решил, что именно Звезды для полной красоты и не хватает.

Ладно, вечером он вернется – и все здесь будет выглядеть совсем по-другому. Он пошел по улице к замерзшему пруду. И здесь тоже никого не было. Даже неинтересно. Только на голом суку мрачно сидели в ряд две вороны и неодобрительно на него смотрели. Они были похожи на два сложенных серо-черных зонтика. Как будто два человека, допустим, ловили рыбу, а потом ушли и забыли свои зонтики.

Бедокур так явственно представил себе эту картину, этих забывчивых рыболовов, что ему и впрямь стало казаться, что это самые настоящие зонтики, а не вороны.

– Кыш! – крикнул, подпрыгнув, он, но вороны (или все-таки зонтики?) даже не шелохнулись.

Бедокур поднял шишку, снова подпрыгнул и швырнул ее вверх. Зонтики нехотя раскрылись и оказались самыми настоящими воронами. Они хрипло и недовольно закаркали и пролетели над его головой. Одна из них внезапно снизилась, словно острыми щипцами, ухватила клювом за помпон на шапочке Бедокура, сдернула ее с головы и низко полетела над прудом. Над самой серединой пруда она разжала свои щипцы, и шапка, как полосатый парашют, мягко опустилась на лед.

Шапочка лежала и отражалась во льду, как в зеркале. Казалось, что там лежат две одинаковые шапки. Бедокур даже не рассердился на ворон, сам виноват, нечего было их дразнить. Лед празднично блестел и словно приглашал прокатиться. Бедокур разбежался, оттолкнулся и стремительно покатился по гладкой поверхности. Лед потрескивал и звенел. Это было здорово. Он почти доехал до шапочки. Ладно, сейчас он разбежится и точно доедет. Бедокур вернулся на берег, разбежался и стремительно заскользил, только ветер засвистел в ушах. На этот

раз он даже проехал мимо шапки. Вот и отлично, теперь можно поднять ее и нахлобучить на голову.

Уходить ему совсем не хотелось. Он скользил по льду и все никак не мог накататься. Наконец он понял, что страшно хочет есть, а дома ждет половинка вкусного пирога – подарка Фроси.

«Прокачусь последний раз – и домой...» – решил он.

Бедокур разбежался, заскользил по льду и, неожиданно споткнувшись, упал. «Ничего страшного. Тем более никто и не видел...» – сгоряча подумал Бедокур, но когда встал, то обнаружил, что захромал, и еще у него ужасно болела правая передняя лапка. «Ничего страшного, к вечеру пройдет...» – решил он и заковылял к дому.

Пирог оказался еще вкуснее, чем вчера. Бедокур проглотил его в одно мгновение и решил немного отдохнуть. Он прихромал к кровати, опустил голову на мягкую подушку и мгновенно заснул, забыв даже снять теплые тапочки.

Короткий зимний день шел своим чередом. Жители Джингл-Сити продолжили готовиться к празднику. На площади, в центре которой высилась огромная ель, развесили разноцветные гирлянды. В небольших пекарнях испекли свежие пироги в форме снежинок и даже окна витрин разрисовали замысловатым, искрящимся узором. Похоже, праздник должен был получиться замечательным.

Миновало время обеда, когда мимо дома Бедокура пронесли огромную лестницу, на вершину которой ему совсем скоро предстояло забраться. Но он этого не видел. Владелец счастливой монетки крепко спал, потеряв к этой минуте лишь одну тапочку. Вскоре предпраздничная суэта начала стихать, в сумерках морозного декабрьского вечера центральная площадь наполнилась веселым звоном сотен маленьких колокольчиков, а затем... В назначенный час ярко загорелись разноцветные фонарики. Все было готово к началу церемонии, как вдруг в толпе послышался тревожный шепот...

Бедокур проснулся и, окинув сонным взглядом темную комнату, не сразу обратил внимание на часы, прямо указывающие, что он опоздал. И только через мгновение, когда они пробили несколько ударов, герой вечера вскрикнул и, едва не упав, бросился на улицу. Бережно прижимая к груди мохнатую лапку, он изо всех сил бежал в центр города, отчаянно прихрамывая и не обращая внимания на боль, и когда, наконец, достиг площади, каждый из присутствующих услышал его тяжелое, прерывистое дыхание.

Время неумолимо сжималось.

Не останавливаясь, Бедокур выхватил из бархатной коробочки Волшебную Звезду и начал подниматься по лестнице. Ему было больно, но он старался об этом не думать. В воцарившейся напряженной тишине он преодолевал ступеньку за ступенькой, стараясь не смотреть вниз. Свет от праздничных фонариков постепенно исчезал, но он все карабкался и карабкался, с каждой минутой все дальше уходя в сумрак ночи. И наконец, когда перед ним оказалась последняя деревянная перекладина, Бедокур увидел колючую вершину огромной ели. Она невозмутимо возвышалась над домами, расположенными в долине, и, хотя была совсем рядом, по-прежнему казалась недосыгаемой...

Бедокур глубоко вздохнул, не отводя напряженного взгляда от зеленой макушки, и только почувствовав подозрительную легкость в лапке, наклонил голову и посмотрел вниз.

Кружась, переливаясь рубиновым блеском, Волшебная Звезда стремительно падала. В ее острых гранях отражалось темное зимнее небо и огромная колючая ель, жители Джингл-Сити, закрывшие в ужасе глаза, и разноцветные огни, которым суждено было скоро погаснуть. Мгновение – и послышался хрустальный звон: чудо разбилось о каменную чисто подметенную мостовую. Но Бедокур не слышал этого ужасного звона. Закрыв ладонями уши, он горько плакал, впервые забыв, что боится высоты...

– Папа! Папа!.. – с отчаянием воскликнула Лиза, дочитав главу. – Что же теперь будет?! Ведь он... он... Надо вернуться домой! Надо ему помочь!..

Услышав пронзительный детский голос у себя за спиной, водитель, который совершал очередной сложный маневр, едва не врезался в соседнюю иномарку...

– Милая! – Константин поспешил обнять дочку и, увидев в зеркале испуганные глаза шофера, невозмутимо добавил: – Все в порядке! Мы вернемся после презентации домой и что-нибудь обязательно придумаем! Хорошо?..

В это время, преодолев все заторы, автомобиль свернул с оживленной магистрали и вскоре остановился около знакомого книжного магазина.

– Я никуда не пойду! – строптиво заявила Лиза. И прижав к груди страницы с ужасным началом сказки, категорично продолжила: – Мы должны немедленно вернуться домой. И прямо сейчас!

– Соловей! Послушай... – умоляюще начал Константин. – Мы не можем так поступить! Все читатели, наверное, уже собрались и ждут только нас. Обещаю, это продлится недолго, а когда мы вернемся, то обязательно поможем нашему Бедокуру! Мы обязательно что-нибудь придумаем. И все будет хорошо, уверяю тебя.

– Папа! – с укоризной воскликнула девочка. – Тогда будет уже поздно! Наступит ночь, а ночью работать тяжело, и ты можешь все только испортить! Без меня...

Константин рассмеялся. Он всегда восхищался способностью дочери так переживать за любимых героев. Лиза искренне их любила, и благодаря этому чувству для нее не существовало границ между миром вымышленным и реальным. Она считала их своими настоящими друзьями, а друзей, как известно, в беде не бросают.

– Пойдем! Нам пора... – придав командную интонацию своему голосу, сказал Константин. – Сегодня вечером ты ляжешь спать позднее обычного, и мы вместе попробуем сочинить начало следующей главы. А сейчас... Вылетай из машины! Ты же у меня птичка.

Вздыхнув, Лиза последовала за отцом, и через – некоторое время они оказались в уютном зале книжного магазина, где так приятно пахло типографской – краской.

Для знаменитого писателя было приготовлено место за столом. На столе возвышались стопки его книг и лежало несколько ручек, готовых к самоотверженному подвигу. Константин не любил раздавать автографы, состоящие только из размашистой подписи. На каждом экземпляре книги он старался написать трогательное пожелание или забавное напутствие, адресованное юному читателю. Поэтому автограф-сессия иногда отнимала у него много времени, о котором писатель предпочитал в таких случаях не жалеть. Сотрудники книжного магазина знали об этом от литературного агента и готовы были поддержать Константина чашечкой крепкого эспрессо или ароматного латте.

И на этот раз, как только писатель занял свое место в кресле, перед ним незамедлительно появился бодрящий напиток. Его принесла устроительница вечера, с которой Константин общался по телефону и которую вот сейчас увидел впервые.

– Здравствуйте. Вы мне звонили, вы Жанна? – поспешно привстав, пробормотал он и едва не повалил высокую стопку книг в ярких обложках.

– Добрый вечер! Да, меня зовут Жанна, – улыбаясь, ответила высокая стройная девушка и, поправив каштановые волосы, красивой волной спускавшиеся ей на плечи, добавила: – Сегодня вас ждет много детей. Готовьтесь!..

– Отлично! – с воодушевлением воскликнул Константин и, взглянув на Лизу, сидевшую с книжкой неподалеку, заметил: – Я тоже сегодня пришел сюда с дочкой...

– Правда? Какая красавица! И очень похожа на вас! – воскликнула очаровательная сотрудница магазина и, посмотрев в глубину зала, сказала: – Вот удивительно, и я сегодня привела с собой кавалера! Мой сын – большой поклонник вашего творчества!

– Здорово! Тогда обязательно познакомьте меня с ним, ведь настоящие поклонники всегда дефицит!.. – засмеялся писатель.

– О, вам-то никак нельзя на это жаловаться! Антон рассказывал мне о ваших многочисленных поклонниках, – воскликнула Жанна.

В этот момент у нее зазвонил мобильный. Извинившись легким кивком и очаровательной улыбкой, Жанна включила аппарат.

– Да, Антон, слушаю... Да, все в порядке. Извини, но я сейчас не могу разговаривать. – Она отключила телефон и, увидев, что к залу приближается целая стая детей, повернулась к Константину: – А вот и наши слушатели!.. Рассаживайтесь побыстрее, ребята, наш любимый писатель уже здесь.

Задвигались, загремели стулья, но уже через минуту в зале воцарилась тишина. Презентация началась. Жанна представила собравшимся известного и любимого многими писателя Константина Пономарева. Все дружно зааплодировали, с интересом рассматривая писателя. Многие дети, особенно те, что помладше, наверно, представляли его похожим на сказочных героев и поэтому очень удивились, что перед ними сидит самый обыкновенный дяденька.

Константин смущенно откашлялся (он всегда волновался в начале подобных мероприятий), затем быстренько сосредоточился и рассказал о своей новой книге, не раскрывая, впрочем, ее замысла, чем очень заинтриговал слушателей. Незаметно он увлекся и, немного отступив от главной темы, поведал о тайнах творческого процесса, сравнив творчество с ветром, предсказать направление которого всегда очень трудно, даже невозможно. Потом прочел небольшой отрывок из новой сказки. Он специально подобрал такой фрагмент, чтобы детям стало интересно, что же будет дальше. Этого от него требовал вездесущий агент.

– Послушают, запомнят, а потом силой заставят родителей купить книжку. Так, глядишь, тираж и разлетится. Новый напечатаем. Творчество творчеством, но законов рынка еще никто не отменял, – снисходительно наставлял Антон писателя, который, по его мнению, совершенно не умел подать себя и свои произведения.

Жанна предложила ребятам задавать вопросы. Все тут же притихли, никто не решался встать первым.

– Ну что же вы! – рассмеялась Жанна. – Ведь у вас наверняка есть вопросы к любимому писателю, а вы стесняетесь. Вот сейчас он уйдет, и вы так ничего и не узнаете.

После этого вопросы посыпались как из рога изобилия. Константин только успевал отвечать.

Он отвечал добросовестно и подробно, причем весьма удачно – пару раз ему даже аплодировали. Наконец началась раздача автографов. Подписывая книги, писатель старался найти слова, смысл которых не утратит свою силу и спустя несколько десятков лет. Он надеялся, что его произведения помогут ребенку преодолеть все грядущие испытания, сохранив при этом доброту в сердце. С каждым из подходивших к нему Константин разговаривал, внимательно слушал и шутил, немного подражая героям своих сказочных историй.

Прошло минут сорок, и из длинной вереницы детей, выстроившейся за бесценным автографом, остался только один мальчик. Он стоял, скромно прижимая к груди небольшую потрепанную книгу, в которой популярный автор с удивлением узнал свое самое первое иллюстрированное издание.

– Здравствуй! – воскликнул мальчик и, подойдя ближе, вежливо добавил: – Как выживаете? И как себя чувствует Ивася?

– Миша! – Константин от удивления даже подпрыгнул в кресле, неожиданно узнав своего приятеля из зоомагазина. – Что ты здесь делаешь?.. Вот уж совсем не ожидал!..

– Я пришел с мамой на вашу презентацию. Я давно хотел с вами познакомиться и поговорить о литературе... – после некоторой паузы неторопливо начал мальчик. – В прошлый

раз у нас не было такой возможности, верно? И я предположил, что, возможно, сегодня нам удастся побеседовать на эту тему.

– Невероятно! – с восхищением воскликнул Константин и, сделав глоток ароматного, хоть и остывшего, кофе, серьезно продолжил: – Разумеется! Полагаю, сейчас мы можем уделить этому некоторое время, только...

– Миша! – из глубины зала послышался встревоженный женский голос.

Константин увидел хозяйку Жанну, которая, подойдя к ним, смущенно сказала:

– Ты здесь, а я тебя везде ищу!

– Не может быть! Жанна, неужели это и есть ваш кавалер? – удивленно спросил Константин, вставая из-за стола.

– Нет, я ее сын, – поспешил ответить мальчик и с грустью заметил: – Боюсь, что для кавалера я еще слишком мал. Иногда мне даже тяжелую дверь самостоятельно открыть не удастся...

Все рассмеялись.

В этот момент к веселой компании робко приблизилась Лиза. На мгновение девочка растерянно остановилась, но потом решила и, подбежав к отцу, крепко обняла его, словно боясь потерять равновесие...

– Познакомьтесь! Это моя дочка! – воскликнул Константин, улыбнувшись. – Ее зовут Лиза.

– Миша, – представился мальчик и мгновенно покраснел.

Лиза с независимым видом кивнула.

Глава 5

Возвращались домой они тоже на такси. И Константин, и Лиза очень устали, поэтому молчали, глядя в мелькавшие за окном вечерние улицы. Из головы не выходила презентация. Константину казалось, что это было не совсем рядовое событие, только почему так казалось, он так и не мог сформулировать. И Лиза тоже обдумывала все, что видела и что ей запомнилось.

...Итак, презентация закончилась. Стол, на котором недавно выселись башни из книг, опустел, к самому краю откатилась исписанная наполовину очередная ручка, а пустая чашка уже давно безнадежно остыла. Получив заветный автограф, поклонники разошлись, и в небольшом зале, уставленном стеллажами с книгами, стало совсем тихо.

Жанна извинилась и ушла по своим делам, Лиза бродила по залу и, шевеля губами, читала названия на корешках книг, а Константин оживленно беседовал со своим юным приятелем.

Он увлекся разговором и не сразу почувствовал, что Лиза вцепилась в рукав его рубашки и упорно тянет за собой.

– Нам уже пора, папочка... – прошептала Лиза и, почувствовав на себе заинтересованные взгляды Миши и вернувшейся Жанны, застенчиво добавила: – Извините, пожалуйста, у нас срочная работа... Ты не забыл, папочка?

Константин взглянул на часы, и ему пришлось согласиться. Время действительно уже было довольно позднее, и книжный магазин закрылся для посетителей. Пора, пора...

Жанна тряхнула своими роскошными волосами:

– Спасибо за чудесный вечер. Приходите к нам еще. Мы будем ждать вас.

– Непременно, – пообещал знаменитый писатель. – Как только выйдет новая книга, мы с Лизой обязательно придем к вам.

– До свиданья!.. – печально сказал Миша, пожав руку любимому автору.

– Всего доброго! – попрощался тот и хотел что-то добавить, но неожиданно смутился и промолчал...

На улице шел снег. Подхваченный ветром, он кружился в причудливом бесшумном танце. Машин на улицах почему-то было мало, и Константину с трудом удалось поймать уставшее желтое такси. Расположившись на заднем сиденье, он внимательно посмотрел на дочку, которая показалась ему очень грустной. Девочка отвернулась от окна и прижалась к отцу. За всю дорогу она не проронила ни слова. Константин ни секунды не сомневался, что она думает о Бедокуре. По правде говоря, он и сам все время подумывал об этом синем неудачнике.

– Что-то вы припозднились! – воскликнула Марья Васильевна, открывая дверь. – Мы уже поужинали и собрались ложиться спать! А вы, кстати, голодные?

– Нет, я не хочу есть... – проронила Лиза, но, взглянув на встревоженное лицо бабушки, покорно побрела на кухню. Константин последовал за ней.

Заботливая бабушка Марья постаралась: стол был накрыт. Притаившись под глубокими тарелками, их дожидались тушенная телятина, фаршированные перцы, соленые огурцы и, конечно, квашеная капуста. Только маринованные опята были бережно убраны в холодильник, но и они, словно по волшебству, вскоре тоже оказались в числе закусок.

– Приятного аппетита, а я пошла спать... – сказала Марья Васильевна и, широко зевнув, направилась в свою комнату, но, спохватившись, строго добавила: – Внуца! Поужинаешь – и тоже в кровать! Уже поздно!..

Лиза кивнула, исподлобья с укоризной посмотрела на отца, а затем, вновь опустив голову, принялась гонять по тарелке маленький маслянистый грибок.

– Соловей! Ну что же ты клювик повесил?! – с – нежностью воскликнул Константин. – Поклюй что-нибудь и ложись в кроватку! Ты действительно устала, а завтра...

– Папа! – перебила его девочка. – А как же Бедокур? Ты же обещал, что мы вместе что-нибудь придумаем!.. Ему же сейчас очень плохо.

– Милая! Давай сделаем так... Сейчас ты пойдешь спать, а я попробую написать начало следующей главы и помочь нашему синему пушистику! А завтра мы это с тобой обсудим и поправим, если что-то не так.

– А ты не устал, папочка? – тяжело вздохнув, заботливо спросила Лиза, у которой и впрямь слипались глаза. – Ведь с пушистиком случилось ужасное несчастье. И с ним, и с жителями Джингл-Сити. Им надо срочно помочь. Бедный Бедокурчик, – всхлинула девочка, уткнувшись в тарелку.

– Лиза, успокойся. Я что-нибудь придумаю. Я ничуть не устал, – бодро заявил Константин и, взглянув на кофеварку, добавил: – Наверное, я уже привык к такому режиму. Так что не волнуйся, ешь и беги скорее в кровать.

Комната Лизы была единственным помещением в квартире, дизайном которого занимался сам Константин. Поэтому точно определить ее стиль не могли даже именитые профессионалы. На розовых шелковых обоях висел большой пейзаж маслом. Над кроватью, исполненной в форме тыквы, висел полупрозрачный полог, а в ее изголовье был закреплен небольшой пиратский флаг. Напротив стоял круглый шкаф, центральную полку которого занимали любимые книги девочки. В этот вечер Лиза достала одну из них и, забравшись под одеяло, принялась внимательно рассматривать красочные иллюстрации. Она видела их много раз, но готова была любоваться любимыми картинками снова и снова.

– Я недолго, папа! – пообещала она. – Посмотрю картинки и сразу же засну...

– Договорились, милая! – согласился Константин и, поцеловав дочку, направился в кабинет.

Небольшой ночник наполнил комнату Лизы мягким желтоватым светом. На потолке над кроватью появились остrokонечные тени звезд и полукруглого месяца. Из-за приоткрытой шторы заглядывала ночная тьма.

Лизе почему-то расхотелось спать. Только что ужасно хотелось, и вдруг расхотелось. В тишине зимней ночи девочка неторопливо переворачивала страницы, вновь и вновь радуясь персонажам любимых сказок. Вот перед ее глазами появилась панорама долины, в центре которой раскинулся волшебный город Джингл-Сити. На его окраине белел аккуратный домик с черепичной крышей, украшенной витиеватым флюгером, а поодаль, в цветущем саду, виднелась маленькая синяя фигурка, неловко склонившаяся над клумбой. Да, тогда было лето, а сейчас... Сейчас там зима, на центральной площади стоит наряженная елка, но на ее верхушке не сияет Волшебная Звезда. Ужас!.. Что же там с Бедокуром? Как же он, наверное, расстроился! И Фрося тоже огорчилась, и Ваня. Но их огорчение – это вообще-то пустяки перед той бедой, которую ждет городок, расположенный в долине у подножия крутых гор.

С грустью вздохнув, Лиза закрыла книгу, но еще долго не выпускала ее из рук. Беззаботно улыбаясь, с обложки на нее смотрел любимый Бедокур. В его глазах отражалось безоблачное небо, и в лучах яркого солнца переливалась синяя пушистая шерстка.

– Как же ты там теперь? Что ты делаешь? И где твои друзья? – печально прошептала девочка.

Бедокур улыбался и молчал. Лизе показалось, что улыбка утратила беззаботность: пушистик по-прежнему улыбался, но как бы из последних сил.

Лиза вздохнула и, откинув одеяло, встала с постели.

В квартире было темно, и только в конце коридора виднелась тусклая полоса света от настольной лампы. Стараясь не шуметь, Лиза на цепочках пересекла просторный холл и, приоткрыв тяжелую дверь кабинета, нерешительно замерла на пороге...

Папа спал, уронив голову на скрещенные руки. Перед ним на столе невозмутимо стоял ноутбук, на мониторе белела пустая страница с одной-единственной строчкой: «Четвертая глава». Подойдя ближе, девочка внимательно посмотрела на маленький острый курсор, самоотверженно пульсирующий на широком поле. Казалось, это крошечная остроклювая птичка парит в сером прямоугольном небе. Сначала Лиза хотела разбудить отца и потребовать, чтобы он выполнил обещание, но, опустив руку на его уставшую спину, неожиданно передумала и тихо сказала:

– Пойдем, папочка... Тебе надо прилечь... Вон туда, на диван, к нашему мишке...

Не открывая глаз, Константин безропотно повиновался. Лиза принесла плед и, заботливо укрыв и отца, и игрушку, погасила настольную лампу. Теперь только бледный компьютерный свет выхватывал из темноты очертания опустевшего кресла, но и он вскоре померк. Девочка вздохнула и, аккуратно прикрыв за собой дверь, вышла из кабинета.

Все спали, было очень тихо, только Чарлик недовольно сопел и дрыгал лапами, очевидно кого-то преследуя во сне. Лиза прошла по коридору, заглянула в комнаты, совершенно не замечая, как следом за нею идет Тишина, которая наконец-то покинула темную кладовку и теперь с удовольствием расхаживала по квартире. Тишине нравилось, что эта маленькая девочка сейчас не шумит и не бежит, как частенько случалось днем.

Обойдя комнаты, укутанные безмятежным покоем зимней ночи, Лиза вернулась в свою спальню, где на кровати по-прежнему лежала любимая книга. Поспешно взяв ее, она подошла к окну и, не в силах сдержать слезы, горько заплакала. Что же теперь будет? И где сейчас несчастный Бедокур?

Снегопад закончился. Ветер тоже стих. В черном небе ярко сверкали звезды. Неожиданно одна из них дрогнула и, сорвавшись, полетела вниз... Стремительно приближаясь, звезда становилась все больше и больше. Ширился и переливался ослепительный свет, постепенно приобретая четкие очертания. Что это такое?

Лиза перестала плакать и затаила дыхание.

Минута, еще одна – и высоко над домами Лиза, наконец, разглядела красный автомобиль. Он мчался, переливаясь сверкающим глянцем, колеса быстро вращались, выпуская веер ослепительных искр, а за рулем сидел...

– Дед Мороз!.. – вскрикнула девочка, разглядев длиннобородого мужчину в большой шапке, отороченной белоснежным мехом.

Дед Мороз вел машину в рукавицах, украшенных искрящимся инеем, а за его спиной лежал огромный мешок, полный подарков!

Лиза, не отрываясь, смотрела на пролетавший мимо роскошный экипаж. В ее глазах застыли слезы. Не выпуская из рук книгу, она залезла на подоконник, чтобы как можно дольше видеть удаляющийся автомобиль с Дедом Морозом, как вдруг...

Как вдруг, долетев до конца улицы, машина быстро развернулась и уже через мгновение остановилась прямо напротив ее окна.

– Почему ты плачешь?

Услышав вопрос, прозвучавший будто над самым ухом, девочка едва не свалилась на пол. Растерявшись, она ничего не могла ответить и только смотрела в добрые глаза Деда Мороза. Автомобиль тихо урчал, и сладко пахло цветами и медом. Дед Мороз задумчиво смотрел на девочку, на полоски от невысохших слез на щеках, на косички...

– Кажется, я все понял, – через некоторое время вновь услышала она ласковый голос. – Не горюй, деточка. Это горе – не горе! Беда – не беда! Это мечта, это чудо, которому быть!

Договорив эти слова, он хлопнул в ладоши, да так, что посыпались снежные искры, и рассмеялся. Послышался рев мотора, вновь взметнулся веер искр, и, описав крутой вираж и блеснув глянцем капота, автомобиль исчез в холодной ночи.

Лиза медленно подошла к кровати и, забравшись под одеяло, мгновенно заснула, крепко обнимая любимую книгу.

Глава 6

Константину частенько приходилось давать интервью. Он рассказывал о своем детстве, которое, к разочарованию журналистов, было совершенно обыкновенным и спустя многие годы легко помещалось в металлической коробке с выпуклым слоном на крышке. Окутанные ароматом бергамота и черного индийского чая, в ней хранились изгнанные из семейного альбома выцветшие фотографии, модель японского линкора, складная подзорная труба и несколько дневников, исписанных угловатым быстрым почерком...

Да нет, не дневников – судовых журналов...

Свой первый судовой журнал маленький Костя решил завести еще в школе, выделив для него толстую тетрадь, прошитую металлической спиралью. С тех пор почти все свободное от занятий время ученик третьего класса предпочитал проводить за письменным столом, а на насмешки одноклассников только равнодушно пожимал плечами, давая понять, что ему некогда обращать внимание на подобную ерунду.

И это была правда. Благодаря безграничному воображению мальчик в исключительно редких случаях мог позволить себе забыть о спасении тонущих кораблей или, например, об отчаянных пиратских сражениях. С ловкостью жонглера Костя наполнял свою довольно заурядную жизнь яркими событиями, полными захватывающих приключений и героических подвигов. День за днем страницы в клеточку заполняли фантастические описания, красочные заметки и обязательные наблюдения за погодными явлениями. Весенний дождь, летний зной, холодный осенний ветер, первые заморозки, и, наконец, между исписанных страниц появлялся продолговатый конверт, украшенный вереницей зубчатых марок...

Несмотря на доводы ровесников, которым трудно было что-то противопоставить, Костя продолжал верить в существование Деда Мороза и в новогодние чудеса. Поэтому, как только на улице выпадал первый снег, мальчик отодвигал учебники и принимался за традиционное письмо волшебнику. Для этого письма и был приготовлен длинный конверт. В письме ученик начальной школы точно описывал все, что приключилось с ним за прошедший год, стараясь не упустить малейших подробностей, вспоминать которые иногда было особенно обидно.

На обратной стороне густо исписанной страницы он делал красочный рисунок, но вопреки неписаным правилам это были не символы Нового года или изображения желаемых подарков. Костя всегда рисовал маленького мальчика с проволочными волосами и теплым шарфом вокруг тонкой шеи. Пробираясь сквозь дремучий лес или пересекая бушующий волнами океан, его герой постоянно куда-то упорно стремился и как будто кого-то искал. И в последнем новогоднем письме нарисованный мальчик, забравшись в остроконечную ракету, отважно летел в темном акварельном пространстве. Вокруг ярко мерцали колючие звезды, сверкали стремительные росчерки метеоров, а впереди, прямо по курсу, виднелась огромная планета с рельефными красноватыми кратерами, похожими на высокие конические дома. Все население планеты вышло встречать отважного путешественника, и первым среди них был высокий космонавт в белоснежном комбинезоне. Он приветственно поднял руку и, конечно, улыбался за темным стеклом своего шлема, украшенного едва заметными буквами «П.А.П.А».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.